

Р. Максимилиан

**Избранные произведения
Робеспьера. В 3-х томах. Т. I**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Р11

P11 **Р. Максимилиан**
Избранные произведения Робеспьера. В 3-х томах. Т.1 / Р. Максимилиан – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 392 с.

ISBN 978-5-458-27623-8

Первая публикация на русском языке избранных сочинений (статьи, речи, письма) виднейшего деятеля Великой Французской революции М. Робеспьера (1758-1794). Составитель всех трех томов - Альберт Захарович Манфред (1906-1976). В том 1 вошли сочинения периода от начала Революции до свержения монархии

ISBN 978-5-458-27623-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Максимлиан Робеспьер
Гравюра Физингера по рисунку Герена
Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина Москва

О Т Р Е Д А К Ц И И

Настоящее трехтомное издание избранных произведений Максимилиана Робеспьера является первой публикацией на русском языке сочинений знаменитого деятеля Великой французской революции. В издание включены все важнейшие социально-политические произведения — статьи, речи, письма Робеспьера эпохи революции. Его юридические, литературные и политические сочинения дореволюционного времени, имеющие интерес главным образом для узкого круга специалистов, не вошли в данное издание.

Подбор произведений и перевод с французского сделан, по большей части, с десяти томного «Полного собрания сочинений» Максимилиана Робеспьера, начавшего выходить более полувека тому назад и все еще не завершено¹. Это научное, отличающееся академической строгостью, издание является самым полным и дает разночтение текстов. Произведения Робеспьера периода якобинской диктатуры, еще не изданные в «Полном собрании сочинений», даны по лучшему из старых изданий — Лаппонере², сверенному с другими изданиями.

Все произведения публикуются полностью. Расположение материала дано по хронологическому принципу. В соответствии с этим произведения Робеспьера распределяются по томам так: первый том — от начала революции до свержения монархии; второй том — от свержения монархии до

.....
¹ «Oeuvres complètes de Robespierre», t. I—IX. Paris, 1912—1958 (последний по времени, пропущенный ранее, т. V—1961). Начиная с тома VI, издание выходит под редакцией М. Булуазо, Ж. Лефевра и А. Соболя.

² M. Robespierre. Oeuvres... avec une notice historique des notes et de commentaires par Laponneraye..., t. 1—3. Paris, 1840.

падения Жиронды; третий том — от прихода якобинцев к власти до гибели Робеспьера.

Всему изданию предпослана вступительная статья, помещенная в первом томе.

К каждому тому даны комментарии.

Указатель имен ко всем трем томам помещен в третьем томе.

Составитель и автор вступительной статьи — доктор исторических наук А. Э. Манфред.

Комментарии — кандидата исторических наук А. Е. Рогинской.

Перевод с французского I и II томов — Е. В. Рубинина, тома III—
Ф. Б. Шуваевой.

МАКСИМИЛИАН РОБЕСПЬЕР

Всякая великая историческая эпоха рождает большие дарования. Они появляются обычно во всех областях деятельности человека: в политике, в общественной мысли, в науке, литературе, искусстве.

Восемнадцатое столетие — эпоха Великой французской революции и ее исторического приготовления — породило целое созвездие ярких талантов. Правда, их значение для последующих поколений не было одинаковым; вклад, внесенный каждым из этих талантов в сокровищницу духовных ценностей человечества, мог быть определен лишь испытанием времени.

Иные из имен, так ослепительно блиставшие в годы революции и казавшиеся многим современникам звездами первой величины, не выдержали этой проверки. Сначала они поблекли, затем стали тускнеть, затем совсем погасли, и от них сохранился едва заметный в истории след.

Другие оставили более прочную память, но внимание и интерес к ним поддерживался лишь у ученых специалистов — историков, философов, или филологов, — оставляя новые людские поколения равнодушными к их былой славе, былой судьбе.

И лишь совсем немногие, — их имена наперечет, — преодолевая напор все уносящего потока времени, на каждом новом историческом повороте какими-то непознанными ранее чертами приковывая к себе внимание вступающей в жизнь новой людской поросли, навсегда запечатлелись в памяти человечества.

К числу этих немногих принадлежит и имя Максимилиана Робеспьера.

I

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в городе Аррасе в провинции Артуа, на севере Франции. Его полное имя было — Максимилиан-Мари-Изидор, но он почти никогда не подписывался всеми тремя своими именами, а ставил перед своей фамилией только первое — Максимилиан.

Это имя он должен был всегда соединять со своей фамилией, чтобы его не смешивали с его младшим братом Огюстеном-Жозефом Робеспьером, ставшим позднее также политическим деятелем.

1758 год — год рождения будущего вождя якобинцев — остался памятным в истории Франции. Это был один из самых бесславных годов в долголетнем царствовании Людовика XV, год глубоких внутренних и внешних потрясений французского королевства. Поражения французской армии в семилетней войне при Росбахе в 1757 г. и при Кривельте в июне 1758 г. нанесли тяжелый удар престижу монархии. Власть Людовика XV, претендовавшего на славу и величие своего предшественника — «короля солнца», — предстала в своем истинном виде: она раскрыла перед страной, перед всем миром свою слабость, бездарность, ничтожество.

«В сущности нам не хватает правительства... у нас нет ни генералов, ни министров...», — писал один из видных правительственных чиновников, аббат де Берни, государственный секретарь департамента иностранных дел¹.

Но это правительство, ничтожность которого признавали даже его высшие служащие, не хотело добровольно сойти со сцены; напротив, оно усилило репрессии против всех «вольнодумцев». В сентябре 1758 г. в Париже, на Гревской площади, был публично повешен один из служащих палаты прошений за непочтительные слова о короле и его министрах.

Но суровые кары не могли сломить общественное недовольство. Осенью 1758 г. в Театре французской комедии, в Лувре и других посещаемых местах Парижа расклеивались и разбрасывались листовки с мятежными призывами.

Правительство, а затем парижский архиепископ запретили и осудили в 1758 г. только что вышедшую книгу Гельвеция «Об уме», но после запрещения книга выдающегося философа-материалиста стала одним из самых популярных литературных произведений.

«Мы приходим к последнему периоду упадка», — писал 6 июня 1758 г. уже поминавшийся аббат де Берни, и то ли с его легкой руки, то ли из других уст, но это слово «упадок» — *decadance* стало самым распространенным обозначением обреченного на гибель режима.

С чего это началось? С каких пор обозначилось это скольжение по наклонной вниз?

Это уже было трудно установить. Свыше сорока лет правил Францией король Людовик XV, но чем дальше шло время, тем явственнее становилась не только слабость и бездарность ничтожного монарха, но и гнилость всего феодально-абсолютистского режима.

¹ Aubertin Ch. L'Esprit public on dix-huitieme siecle. 2 ed. Paris, 1873, p. 340—341.

Версальский дворец блистал таким же великолепием, как и в дни «короля-солнца» — Людовика XIV, но выставленная напоказ роскошь и непрерывные празднества и развлечения, подсказанные изобретательной фантазией всевильной госпожи де Помпадур, уже не создавали впечатления могущества и благоденствия королевства. Все знали, что за величественным зданием Версальского дворца, за ровно подстриженным газоном и изумительными цветами на куртинах версальского парка сразу же начинались заросшие чертополохом пустыри или чахлые посевы на узких крестьянских полосах, начиналась разоренная и нищая страна беспроектной крестьянской нужды.

В Версальском дворце, а вслед за ним и во многих особняках родовитой аристократии и дворянских усадьбах, стремившихся следовать за двором, торопливо, грубо и жадно прожигали жизнь. «После нас — хоть потоп!» Эти цинические слова, приписываемые Людовику XV, стали как бы девизом господствующего класса феодалов середины XVIII столетия. Они жили сегодняшним днем, не задумываясь над будущим. Но для удовлетворения алчных и необузданных потребностей королевского двора, придворной камарильи, казны, огромного налогового аппарата, армии, церкви, родовой аристократии, помещестного дворянства оставались одни и те же источники дохода: возрастающая эксплуатация крестьянского труда и прогрессирующее налоговое обложение буржуазии.

Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения королевства, было обездолено, бесправно, нище. Но это забытое, темное, изнуренное непосильным трудом крестьянство, все же отвечало на чудовищную эксплуатацию возрастающим сопротивлением. Крестьянские волнения, доходившие нередко до открытых вооруженных восстаний, усиливались на протяжении XVIII столетия. К середине века, и в особенности во второй его половине, подспудное сопротивление крестьянства беспощадной феодальной эксплуатации все чаще переходило в открытые формы возмущения.

Расцвет просветительной мысли во Франции, успехи «партии философов», завоевывавшей все новых и новых приверженцев в рядах «третьего сословия», даже среди либерального дворянства, были внешним отражением возрастающей борьбы народных масс и сильной, молодой буржуазии против отживающего свой век феодально-абсолютистского строя.

Эта борьба нового со старым шла уже давно. Время феодализма кончалось. В двери стучалась уже новая эпоха, новые общественные отношения, новый общественный строй. Его истинное содержание — а им, по законам общественного развития, могло быть только установление господства буржуазии, эпоха капитализма — еще оставалось даже для самых сильных умов неясным и неразгаданным. Оно представлялось им — понятно, со множеством разных оттенков — как время торжества разума

и свободы, как лучший, более справедливый и гармоничный общественный порядок, построенный в соответствии с «естественными правами человека».

Каким будет будущее? Этого еще никто не знал достоверно. Но уже многие чувствовали приближение больших перемен, крупную ломку социально-политического уклада всей жизни, и будущее, которое должно было наступить за этой ломкой, представлялось им прекрасным.

Но волнующие надежды, будоражившие умы молодых людей, вступающих в жизнь в середине восемнадцатого века, и искавших ответа в сочинениях Вольтера, Монтескье, Ламетри, Гельвеция, Руссо, в статьях «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера — эти «мятежные настроения», этот «дух вольнодумия» не только ни в малой мере не разделялись правительством, но, напротив, преследовались, подвергались гонениям как опасная «крамола» и «ересь»².

Разрыв между «третьим сословием», составившим девять десятых населения королевства, и существовавшей властью — феодально-абсолютистским режимом — достиг крайней степени. Это были два мира — разных и враждебных друг другу, но вынужденных уживаться в рамках одного государственного организма. Старый, феодально-абсолютистский мир господствовал, угнетал и повелевал. Он старался остановить развитие жизни, если можно — повернуть ее вспять, или же мерами насилия и принуждения сковать, заставить застыть ее течение.

А народ и шедшая с ним вместе или, точнее сказать, возглавлявшая его буржуазия стремились сломить этот мертвящий покой реакционного, рутинного строя, сорвать ни в оковы. С середины века эти непреодолимые противоречия стали все чаще прорываться наружу.

В 1748—1749 гг. в разных провинциях французского королевства, да и в самом Париже, вспыхивали народные волнения. Правительство подавило их жестокими репрессиями, но народное недовольство, загнанное в подполье, но не искорененное, продолжало тлеть.

Итак, тысячелетняя французская монархия вступила в полосу упадка; это было, наконец, осознано и высказано вслух. Вольнодумные настроения, дух «критицизма», стремления к переменам должны были день ото дня все более усиливаться.

Но этот «мятежный дух», охвативший страну с такой силой, что представлял даже Гримма опасаться революции³, этот ветер вольности, дру-

² См. подробнее об идейных движениях этого времени: В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958; J. Bertaut. La vie littéraire en France au XVIII siècle. Paris, 1954; D. Mornet. Les origines intellectuelles de la Révolution française. 4 éd. Paris, 1947; Ph. Sagnac. La formation de la société française moderne, t. 2. Paris, 1947.

³ Fr. M. Grimm. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 ... , t. II. Paris, 1829, p. 81.

живший головы молодым людям в Париже, слабел, стихал, с трудом проникая сквозь окна добротного дома именитого горожанина города Арраса — адвоката королевского суда Франсуа Робеспьера.

И отец, и дед, и прадед, и все предки малолетнего Максимилиана по отцовской линии принадлежали к судейскому сословию. Это была зажиточная патрицианская семья, пользовавшаяся известностью и почетом в родном городе, семья с давними воспоминаниями и прочными традициями. Казалось, в этом доме труднее всего было поддаться соблазнам или сомнениям веяний нового времени.

До семилетнего возраста детство маленького Максимилиана было безоблачным. Но затем все изменилось. Умерла мать, а через три года глава семьи Франсуа Робеспьер, по причинам недостаточно выясненным, покинул Аррас, а позже и Францию. Он переехал в Германию, жил некоторое время в Мангейме, потом еще где-то и умер в Мюнхене в 1777 г.⁴

Четверо детей остались сиротами. Заботу о них взял на себя дед, но все же в их судьбе все круто изменилось. Старший из них, Максимилиан, острее других ощутил эту семейную катастрофу, все изменившую в детском мире. Достаток сменился бедностью, материнская ласка — одиночеством. Этот резкий поворот судьбы не мог не сказаться на характере Максимилиана; он наложил отпечаток на всю его последующую жизнь⁵.

Дед определил Максимилиана в местный коллеж, а затем выхлопотал для него стипендию в коллеже Людовика Великого в Париже, подготовившем для поступления на юридический факультет Сорбонны.

Осенью 1769 г., одиннадцати лет, Максимилиан оставил город, в котором вырос, и конный экипаж повез его долгими дорогами в далекий неведомый Париж.

В столице королевства Максимилиан пробыл двенадцать лет — до 1781 г. Он учился сначала в коллеже Людовика Великого, а затем на юридическом факультете Сорбонны, который закончил в 1780 г. и получил звание бакалавра прав. После года практики в Париже ему было присвоено звание лиценциата прав.

В коллеже, а затем и в Сорбонне он посвящал свое время учению. По свидетельству его наставников, аббата Пройар и аббата Эриво, он был всецело поглощен чтением. Но это были не только Плутарх и классики древности. Позднейшие выступления Робеспьера показывают, что он знал античных авторов, как и историю Греции и Рима, в совершенстве. Но как ни замкнута, как ни уединенна была жизнь воспитанников коллежа Людо-

⁴ См.: «Annales historiques de la Révolution française», 1953, N 2. Заметка R. Garmy

⁵ О детстве и юности Максимилиана см.: Charlotte Robespierre. Mémoires sur ses deux frères. Paris, 1834 (требуется критического отношения); J.-A. Paris. La jeunesse de Robespierre. Arras, 1870.

вика Великого, зорко охраняемых бдительными церковнослужителями, свежий ветер предгрозового времени проникал и за его плотные стены. Воспитанники коллежа Людовика Великого и студенты Парижского университета были самыми ревностными читателями и почитателями запрещенных произведений властителей дум молодежи — великих писателей «Просвещения». Юный Максимилиан Робеспьер поглощал эти произведения с особою жадностью.

По единодушному свидетельству ровесников и преподавателей, arrasский стипендиат вел в стенах парижских учебных заведений уединенный и замкнутый образ жизни. Он был беден. Стипендия, установленная для него в Аррасе, составляла 450 ливров в год; для столичной жизни это было ничтожно мало. Он был бедно одет, ходил в стоптанных башмаках. Он был молчалив, не искал товарищей, предпочитая в уединении читать книгу за книгой.

Из выступлений Робеспьера поры его зрелости можно с полной достоверностью установить, что он был знаком со всеми важнейшими произведениями общественно-политической мысли своего времени. Он превосходно знал литературу «Просвещения». Как и Марат, он высоко ценил Монтескье, но его любимым автором — автором, оказавшим на него громадное влияние, был Жан-Жак Руссо.

Руссо был для Робеспьера не только любимым писателем, который какими-то сторонами своего творчества отвечал его внутреннему, душевному складу. Больше того, он стал учителем Робеспьера.

Двадцати лет Робеспьер направился в Эрменонвиль, где, уединившись, доживал свои последние дни автор «Новой Элоизы» и «Общественного договора». Там он видел знаменитого писателя, о чем сам позднее поведал⁶.

В исторической литературе по поводу этой встречи было создано много вымыслов⁷, но, видимо, следует согласиться с Амелем, что все приводимые подробности нельзя считать достоверными⁸. Нельзя также переоценивать значение этой встречи. Длительное, или, вернее сказать, постоянное, увлечение Робеспьера Руссо менее всего может быть объяснено этой мимолетной встречей.

Идейное формирование Робеспьера, складывание его мировоззрения шло, конечно, не столько под воздействием сухих дисциплин, преподаваемых с кафедры коллежа, а затем Сорбонны, и даже не столько под воздействием поглощаемой им запретной литературы, осужденных властью

⁶ «Oeuvres complètes de Robespierre», t. I. Robespierre à Arras. Paris, 1912, p. 211—212.

⁷ Начало им положили апокрифические мемуары: «Mémoires authentiques de Maximilien de Robespierre», v. 1—2. Paris, 1830.

⁸ E. N a m e l. Histoire de Robespierre..., t. I. Paris, 1865, p. 22.